

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ: усобицы и кровная месть	5
СТЕПАН РАЗИН: бунт и самозванство в расколоте Русы	17
ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ: смерть вместо престола	29
ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ: восставшая степь	38
ПАВЕЛ I: Мальта, интриги и цареубийство	58
ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ: дерзость или убеждения	66
КАРАКОЗОВ: начало охоты на Александра II	78
ВЕРА ЗАСУЛИЧ: суд равного над равным	91
АЛЕКСАНДР II: финал цепочки покушений	114
СТОЛЫПИН: умереть за царя	140
РАСПУТИН: мистификация и английский след	154
НИКОЛАЙ II и ЕГО СЕМЬЯ: царственные страстотерпцы	166
ФАННИ КАПЛАН: кто стрелял в Ленина?	180
СЕРГЕЙ КИРОВ: убийство, с которого начался террор	195

СОДЕРЖАНИЕ

МАРШАЛ ТУХАЧЕВСКИЙ: военные элиты и заговоры	215
ГЕНЕРАЛ ПАВЛОВ: ужас первых недель войны	230
ОЛЕГ ПЕНЬКОВСКИЙ: Британия, Штаты и Карибский кризис.	243
ТЕРАКТ В МЕТРО: устрашение ради независимости.	254
МАТИАС РУСТ: полет через советскую границу	266
ОВЕЧКИНЫ: самая дерзкая попытка бегства из СССР.	275

ДЕЛО ПЕРВОЕ

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ УСОБИЦЫ И КРОВНАЯ МЕСТЬ

Андрей Боголюбский родился у Юрия Владимировича Долгорукого, будущего великого князя Киевского, от половецкой княжны. В 1149 году, после вокняжения отца в Киеве, Андрей получил в управление важный политический центр — город Вышгород. Через два года Юрий Долгорукий потерял киевский престол, что отразилось и на судьбе его сына. Андрей был отправлен на княжение в Рязань, но вскоре был изгнан из города половецкими отрядами во главе с бывшим рязанским князем Ростиславом Ярославичем. В 1155 году после повторного занятия Юрием Долгоруким киевского престола его сын вернулся в Вышгород, но в тот же год вопреки воле отца переселился в Северо-Восточную Русь, в город Владимир.

В 1157 году, после смерти отца, Андрей Юрьевич стал князем Владимирским, Ростовским и Суздальским. Центр его владений, город Владимир, получил еще один круг оборонительных укреплений, прерывавшийся только мощными Золотыми воротами. В детинце появились белокаменные соборы — Успенский и Дмитриевский. Недалеко от Владимира, по примеру других городов Киевской Руси, Андрей Юрьевич устроил княжескую резиденцию Боголюбово.

Согласно преданию, из Вышгорода князь взял в дорогу чудотворную икону Божией Матери, написанную, как счита-

УСОБИЦЫ И КРОВНАЯ МЕСТЬ

ли, евангелистом Лукой. За семь верст до Владимира лошади княжеского обоза остановились и, несмотря на все усилия, не двигались вперед. Князь стал молиться, и ему было даровано видение Пресвятой Богородицы, наказавшей ему перенести икону во Владимир, а на месте явления Богородицы основать храм и монастырь в ее честь. Князь выполнил наказ, после чего и получил прозвание Боголюбский — «Боголюбивый». А вокруг монастыря выросло целое поселение — его-то и назвали Боголюбово.

Во время владимирского княжения Андрей Боголюбский развернул активную военную деятельность. На западе его неизбежно манила древняя столица русских земель, Киев, обладание которым означало высший политический статус для любого князя. На севере его интересы столкнулись с противоборством Новгородского княжества, стремившегося остановить экспансию суздальцев в богатые заволочские земли. На восток же владимирский князь ходил походами в Волжскую Булгарию, стремясь не лаской, так силой склонить булгар к заключению выгодного для него мира. И только южное, степное, направление сохраняло видимое спокойствие, не будучи затронуту крупными военными конфликтами.

За успешной кампанией 1169 года, когда Андрею Боголюбскому удалось взять Киев и посадить на киевский престол своего брата Глеба, последовала серия неудач. Сначала новгородский отряд в 1169 году разгромил суздальские полки в Заволочье. На следующий год, пытаясь взять реванш, Андрей с войском верных ему удельных князей подступил к стенам Новгорода, но четырехдневная осада и штурм городских укреплений не привели к успеху. Напротив, в ожесточенной схватке новгородцы оказались более удачливы и в конечном итоге нанесли чужакам поражение. По следам этого события сложилась легенда о спасении осажденного города иконой Знамения Пресвятой Богородицы. Предание гласит, что защитники Новгорода водрузили икону на крепостную стену, и в час яростной атаки суздальцев она развернулась ликом к погибающему городу и тыльной стороной

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

к врагам. Молитва Богородицы и пролитые ею слезы стали знаком Божьего благоволения к защитникам и всевышней кары для нападавших. На суздальцев опустилась тьма, и, не видя вокруг ничего, они стали избивать друг друга. Так Божьей волей победа пришла в руки новгородцев.

Киевское княжение было традиционным яблоком раздора между разными ветвями княжеского рода, на этот раз — между Юрьевичами и Ростиславичами. Первые, возглавляемые Андреем Боголюбским, стремились распространить свою власть на исконные земли предков. Ростиславичи же, осев в Смоленске, Вышгороде, Овруче и Белгороде, отстаивали право на киевский престол. После смерти ставленника Андрея Боголюбского, князя Глеба Юрьевича, Киев переходил из рук в руки. Конфликт перерос в военный поход, организованный Юрьевичами с привлечением союзнических сил из других княжеств.

В начале осени 1173 года многочисленное войско союзников подошло к Вышгороду, за стенами которого скрылся Мстислав Ростиславич с полками. Началась долгая осада. Спустя 9 недель стояния под вышгородской крепостью Юрьевичи прознали, что на подмогу осажденным идут немалые волынские и галицкие войска во главе с князем Ярославом Изяславичем. Под действием этих новостей отряды Юрьевичей беспорядочно отступили от города, а после удачной вылазки вышгородских полков и вовсе обратились в бегство.

Военные неудачи еще сильнее отражались на напряженных отношениях Андрея Боголюбского с верхушкой знати — боярами. Походы требовали больших расходов и отвлекали значительные людские ресурсы, которые тяжелым бременем ложились на плечи бояр. Признаки растущего недовольства активной внешней политикой князя можно усмотреть, в частности, в бойкоте боярами похода на Волжскую Булгарию. Тогда, зимой 1171–1172 года, войска Мстислава, сына Андрея Боголюбского, а также сыновей рязанского и муромского князей тщетно ждали у слияния Оки и Волги боярских

УСОБИЦЫ И КРОВНАЯ МЕСТЬ

отрядов. Бояре посчитали зимнее время неподходящим для похода на болгар. Не дождавшись подкрепления, княжичи вторглись в болгарские владения, но вскоре, предвидя встречу с более многочисленным болгарским войском, были вынуждены отступить. В конечном итоге обострившиеся противоречия, по всей видимости, стали одной из веских причин покушения на княжескую жизнь.

Убийство Андрея Боголюбского произошло в ночь с 28 на 29 июня 1174 года. Рассказ об этом подробно приведен в «Повести об убиении Андрея Боголюбского», полный текст которой содержится в Ипатьевской летописи и датирован 1175 годом. Учитывая непродолжительный срок, отделяющий написание «Повести» от изложенных в ней событий, этот источник можно считать вполне достоверным. Обстоятельства гибели князя в «Повести» описаны так (текст представлен в переводе В. В. Колесова на современный язык):

Итак, состоялся в пятницу на обедне коварный совет злодеев преступных. И был у князя Яким, слуга, которому он доверял. Узнав от кого-то, что брата его велел князь казнить, возбудился он по дьявольскому наущению и примчался с криками к друзьям своим, злым сообщникам, как когда-то Иуда к евреям, стремясь угодить отцу своему, Сатане, и стал говорить: «Сегодня его казнил, а завтра — нас, так промыслим о князе этом!» И задумали убийство в ночь, как Иуда на Господа. Лишь настала ночь, прибежав и схвативши оружие, пошли на князя, как дикие звери [...]. Главварем же убийц был Петр, зять Кучки, Анбал, яс родом, ключник, да Яким, да Кучковичи — всего числом двадцать зловредных убийц, вошедших в греховный сговор в тот день у Петра, у Кучкова зятя, когда настала субботняя ночь на память святых апостолов Петра и Павла.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

Упомянутые Кучковичи составляли влиятельный боярский род, близких свойственников князя Андрея Боголюбского. Согласно легенде, отец Андрея, Юрий Долгорукий, будучи в землях, принадлежавших Кучковичам (ныне находятся в пределах Москвы), повелел убить одного из них (по преданию, жертвой стал сам боярин Кучка) и забрал земли себе. Боярских детей не тронули, а дочь Кучки Улиту в знак княжеской милости Долгорукий выдал замуж за своего сына Андрея. Поздние народные сказания называли кровную месть Кучковичей за убитого родственника причиной убийства князя. Однако достоверных сведений о реваншистских настроениях Кучковичей летописи не содержат. В то же время в «Повести» упоминается о казни Андреем Боголюбским брата Якима, что послужило поводом для убийства, и это уже вполне соответствует туманным летописным сообщениям о боярско-княжеской распри. Такое противостояние вполне могло перерасти в вооруженное противостояние. Далее «Повесть» подробно рассказывает о нападении на князя:

Когда, схватив оружие, как звери свирепые, приблизились они к спальне, где блаженный князь Андрей возлежал, позвал один, став у дверей: «Господин мой! Господин мой...» И князь отозвался: «Кто здесь?» – тот же сказал: «Прокопий...», но в сомненье князь произнес: «О, малый, ты не Прокопий!» Те же, подскочив к дверям и поняв, что здесь князь, начали бить в двери и силой выломали их. Блаженный же вскочил, хотел схватить меч, но не было тут меча, ибо в тот день взял его Анбал-ключник, а был его меч мечом святого Бориса. И ворвались двое убийц, и набросились на него, и князь швырнул одного под

УСОБИЦЫ И КРОВНАЯ МЕСТЬ

себя, а другие, решив, что повержен князь, впотьмах поразили своего; но после, разглядев князя, схватились с ним, ибо он был силен. И рубили его мечами и саблями, и раны копьем ему нанесли [...]. Бесчестные же эти, решив, что убили его окончательно, взяв раненого своего, понесли его вон и дрожа ушли. Князь же, внезапно выйдя за ними, начал рыгать и стонать от внутренней боли, пробираясь к крыльцу. Те же, услышав голос, воротились снова к нему. И пока они были там, сказал один: «Стоя там, я видел в окно князя, как шел он с крыльца вниз». И воскликнули все: «Ищите его!» — и бросились все взглянуть, нет ли князя там, где, убив его, бросили. И сказали: «Теперь мы погибли! Скорее ищите его!» И так, запалив свечи, отыскивали его по кровавому следу. [...] И тут проклятые подскочили и прикончили его. Петр же отсек ему правую руку. А князь, на небо взглянув, сказал: «Господи, в руки тебе предаю душу мою» — и умер. Убит был с субботы в ночь, на рассвете, под утро уже воскресенья — день памяти двенадцати апостолов.

От княжеского дворца в Боголюбове, места убиения Андрея Боголюбского, до наших дней сохранились только лестничная башня и надвратный переход. Считается, что именно в башне под лестницей злоумышленники настигли истекающего кровью князя. Так известия «Повести» стали осязаемы и предстали перед нами в виде каменных свидетелей страшного убийства.

Помимо предполагаемого места гибели князя, достоверность летописного рассказа подкрепляют и другие источники. Так, свидетельство «Повести» о характере ранений князя подтверждается исследованиями его костных останков. Мощи Андрея Боголюбского в течение долгого времени находились в Успенском соборе города Владимира. В 1919 году

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

рака с мошами была вскрыта, мощи — кратко описаны. С 1930 года они стали главным экспонатом антирелигиозного отдела Владимирского исторического музея. В 1934 году мощи были доставлены в Государственный рентгенологический институт в Ленинграде. В ходе исследования, проведенного профессором Д. Г. Рохлиным, была подтверждена подлинность останков. В частности, согласно опубликованному заключению, костные останки несли на себе следы *«старых заживших ранений и большого числа свежих ранений без реактивных изменений»*. При этом *«[с]вежие ранения были нанесены неодинаковым оружием с целью не ранить, а во что бы то ни стало убить человека»*.

На основании данных о повреждениях костей Д. Г. Рохлину удалось составить приблизительную картину произошедшего:

«Только один из ударов был нанесен противником, стоящим лицом к нападаемому, правильное, несколько сбоку и спереди. Это был сравнительно легкий удар рубящим оружием (саблей или мечом) по левой ключице. Все остальные ранения были нанесены сбоку и сзади или уже по лежащему. Сбоку и сзади опытным бойцом был нанесен удар мечом по левому плечу, вызвавший значительное кровотечение и сделавший Боголюбского длительно небоеспособным, но это не удовлетворило нападавших. Были нанесены новые удары неодинаковым оружием: удар сзади по затылку рубящим оружием (мечом или боевым топором), тяжелое ранение, нанесенное сбоку колющим оружием (копьем) в лобную кость. Последнее ранение само по себе могло бы повлечь в дальнейшем смерть».

В целом, характер ранений подтверждал летописный рассказ об убиении Андрея Боголюбского. Единственное противоречие между описанием летописца и криминологической картиной убийства Д. Г. Рохлин увидел в изображении ранения правой руки князя: *«Петр же отсек ему правую руку»*. В ходе исследования скелета на правой конечности не были обнаружены характерные ранения, тогда как кости левой руки были рассечены в нескольких местах.

УСОБИЦЫ И КРОВНАЯ МЕСТЬ

Это позволило Рохлину сделать вывод о неточности, допущенной летописцами при описании этого события: *«Нужно считать, что летописцы по ошибке, или же желая сгустить краски и усилить эффект, отмечают, что Петр Кучков, главарь заговорщиков, отсек Андрею Боголюбскому правую, а не левую руку».*

В 2007 году новое медико-криминалистическое исследование останков Андрея Боголюбского провел профессор В. Н. Звягин. Он уточнил некоторые обстоятельства, при которых могли быть нанесены ранения:

Локализация и взаиморасположение повреждений, обнаруженных на скелете Андрея Боголюбского, свидетельствуют о том, что князь получил большую часть травм в процессе борьбы и самообороны. При этом князь стоял левым боком к нападавшим, выдвигнув вперед согнутую в локте левую руку в качестве щита для защиты головы и туловища. Повреждения лучевой и локтевой костей, в частности, были причинены при пронации и супинации [вращательные движения. — Прим. автора] предплечья. Вне всякого сомнения, он активно перемещался, уходя от ударов либо ослабляя их последствия. Будучи неоднократно раненым и истекая кровью, Боголюбский продолжал оказывать сопротивление.

Исходя из особенностей костных повреждений, Звягин выдвинул предположение, что в действительности убийц могло быть двое: «Первый — это, скорее всего, «Петр, Кучков зять» — был вооружен рубяще-режущим оружием типа сабли. Атаковал князя спереди и несколько слева. Затем сместился левее и кзади. Удары саблей наносил под острым углом к поверхности тела князя с протягиваем [...] Удары наносил с дальней дистанции концом клинка. Судя по однотипности и силе ударов, он профессионально владел оружием и тактикой ближнего боя».

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

Описание второго убийцы Звягин также составил по характеру ранений: «Второй нападающий, а это, возможно, Яким Кучкович, вооруженный массивным клинковым оружием типа меча, примкнул к Петру позднее. Его сильные рубящие удары в предплечье (с разрубом лучевой кости) и среднюю часть левого плеча парализовали защиту Боголюбского, после чего левая рука князя бессильно повисла вдоль тела. С этого момента голова и тело князя были не защищены.

Однако профессор далее сделал оговорку, что повреждения могли быть нанесены несколькими однотипными саблями и мечами, а значит, и потенциальных убийц могло быть больше.

Так выглядела картина происшествия по версии экспертов-криминалистов, изучивших скелет Андрея Боголюбского и сопоставивших полученные результаты с летописным изложением гибели владимирского князя.

В 2015 году исторической науке стал доступен еще один источник, свидетельствующий о тех же событиях. Речь идет о граффити — надписи на стене Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, обнаруженной на южной апсиде храма с внешней стороны во время реставрационных работ. Общая рамка с помещенным сверху крестом обрамляла два столбца текста.

В правом столбце говорилось следующее: *«Месяца июня 29 убиен бысть князь Андрей своими паробкы [слугами. — Прим. автора], овому вечная память, а сим [заговорщикам. — Прим. автора] — вечная мука»*. Дальше текст не читался. Однако даже из того, что удалось прочесть, становилось понятно, что на момент появления граффити заговорщики уже были казнены (*«а сим — вечная мука»*). Новгородская летопись подтвердила судьбу участников заговора: Всеволод

УСОБИЦЫ И КРОВНАЯ МЕСТЬ

Большое Гнездо *«Кучковичи поймал, и в коробки саждая в озере истопил»*.

«Месяца июня 29 убиен бысть князь Андрей своими паробкы [слугами. — Прим. автора], овому вечная память, а сим [заговорщикам. — Прим. автора] — вечная мука».

В левом столбце приводился список приблизительно из двадцати имен. Среди них исследователи нашли известные по «Повести» имена Петра Кучкова зятя, Анбала и Якима (Кучковича). Перечисление имен завершалось словами: *«Си суть убийцы великого князя Андрея, да будут прокляты»*. Тем самым обнаруженная надпись свидетельствовала о церковном проклятии, которому были преданы убийцы князя. Размещение граффити с внешней стороны храмовой апсиды показывало публичность возложенной на преступников анафемы, поскольку позволяло любому желающему ознакомиться с именами злоумышленников и присоединиться к наложенному на них проклятию.

Итак, совпадающие во многих деталях результаты криминологических исследований, свидетельства «Повести» и обнаруженного в Переславле-Залесском граффити позволили довольно четко установить обстоятельства гибели Андрея Боголюбского, круг лиц, участвовавших в убийстве князя, а также определить примененную к заговорщикам меру наказания — смертную казнь. Остается проверить, насколько это наказание соответствовало бытовавшей тогда правовой традиции.

В интересующий нас период времени источниками права выступали: правовые обычаи, княжеские установления (Русская Правда, уставы), нормы канонического права (византийские «Закон судный людем», номоканоны, Эклога и Прохирон) и международные договоры.

С древнейших времен наиболее важным правовым обычаем в сфере уголовного права выступало правило кровной мести — право на наказание виновного лица, осуществляемое самим потерпевшим или его родственником. Прояв-

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

ление этого правила можно увидеть в русско-византийском договоре 911 г.: «Если кто убьет — русский христианина или христианин русского, — да умрет на месте убийства». То же самое мы видим и в договоре 945 г.: «Если убьет наш подданный русского или русский нашего подданного, то да задержат убийцу родственники убитого, и да убьют его».

Краткая редакция Русской Правды в ст. 1 подтвердила применение этого обычая: «Убьет муж(ь) мужа, то мьститъ брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови...». Но обычай кровной мести был ограничен введением системы вир (штрафов) в случае невозможности мщения: «...аще не будетъ кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще будетъ русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгой будетъ, любо словенин, то 40 гривен положити за нь».

В дальнейшем сыновья Ярослава Мудрого отменили кровную месть, о чем свидетельствует ст. 2 Пространной редакции Русской Правды: «По Ярославе же паки совкупишися сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячко, Перенег, Никифор, и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати; а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». Пространная редакция Русской Правды даже за тяжкие преступления (убийство, разбой) установила наказание в виде уплаты виры. Размер виры зависел, в частности, от социального статуса потерпевшего. К примеру, вира за убийство холопа была значительно ниже виры за то же преступление в отношении тиуна. Но как обстояло дело в случае убийства князя?

Казалось бы, за убийство князя также стоило ожидать назначения виры. Тем не менее, подобная норма в Русской Правде просто отсутствовала. Русская Правда вообще не содержала никаких положений о преступлениях против власти и государства. Представляется логичным, что при отсутствии специального княжеского установления применению подлежал более древний обычай кровной мести. И действительно, можно найти немало летописных свидетельств о кровной ме-